ИВАН
КУЗЬМИН

ИСКУССТВО РАЗВЕДКИ

БЕРЛИНСКАЯ СТЕНА

РАЗДЕЛЕННАЯ ГЕРМАНИЯ ГЛАЗАМИ ГРУ И КГБ

«Биографы Короткова не рассказывают о драматических обстоятельствах этого дня, предшествовавших его кончине. Я позволю себе восполнить этот пробел».

И.Н. Кузьмин

Искусство разведки

Иван Кузьмин

Берлинская стена. Разделенная Германия глазами ГРУ и КГБ

«Алисторус»
2003

УДК 355.40
ББК 68.23-2

Кузьмин И. Н.

Берлинская стена. Разделенная Германия глазами ГРУ и КГБ / И. Н. Кузьмин — «Алисторус», 2003 — (Искусство разведки)

ISBN 978-5-00269-275-0

Антифашистский оборонительный вал, с легкой руки западной прессы ставший известным под названием «Берлинская стена», был возведен 13 августа 1961 года. Почти на три десятилетия, разделив Берлин на две половинки, эта стена стала одним из главных символов Холодной войны, которую вели могущественные военно-политические блоки - НАТО и Организация Варшавского договора. Автор этой книги Иван Николаевич Кузьмин (1925-2012), доктор политических наук, профессор, доктор философии Берлинского университета Гумбольдта, много лет работал в Германии в информационно-аналитических подразделениях берлинских «точек» ГРУ и КГБ. Благодаря этому он может многое рассказать и о строительстве Берлинской стены, и о работе советских спецслужб в условиях жесткого противостояния с противником, и о самой ГДР. Помимо описания исторических событий, на страницах книги оживают портреты деятелей той эпохи - лидера ГДР Эриха Хонеккера, главы могущественной «штази» Эриха Мильке, начальника восточногерманской разведки Маркуса Вольфа, их партнера с советской стороны легендарного «Короля нелегалов» Александра Короткова и многих других. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 355.40
ББК 68.23-2

ISBN 978-5-00269-275-0

© Кузьмин И. Н., 2003
© Алисторус, 2003

Содержание

Вступление 7
Путь в Германию 11
Война! 11
Alma mater военных переводчиков 15
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Иван Кузьмин
Берлинская стена. Разделенная Германия глазами ГРУ и КГБ

ИСКУССТВО РАЗВЕДКИ

Серия «Искусство разведки»

издательство РОДИНА

© Кузьмин И. Н., правообладатели, 2026
© ООО «Издательство Родина», 2026

Вступление

Я решился написать очерк собственной биографии, следуя настоятельным пожеланиям своих родственников и знакомых. При этом я хорошо сознаю, что, как автор, вряд ли способен к сколько-нибудь глубоким философским обобщениям. Слабость моя и в том, что я не обладаю даром красочно отобразить пережитое. Вместе с тем, я был непосредственным свидетелем и даже участником ряда крупных исторических событий и был знаком со многими выдающимися людьми. Описывая эти события и этих людей, и воспроизводя обстановку того времени я надеюсь, что тем самым смогу «унавозить почву» для солидного исследователя эпохи и внести свой вклад в историческую фактографию.

Что касается композиционного построения книги, то я хотел бы сопровождать чисто биографические сведения и данные, непосредственно относящиеся к моей службе, рассмотрением окружающей обстановки в более широком плане. Не уверен, что мне удалось достичь оптимального сочетания этих разнородных планов.

Работая над своей биографией, я осознал, что жизнь моя прошла на солнечной стороне. Конечно, юношеская мечта стать биологом не состоялась. Однако я более полувека достойно служил в Советской Армии и в КГБ СССР. Эти полвека воинской службы включали двадцать с лишним лет работы в эпицентре Холодной войны в Берлине на посту заместителя начальника и начальника информационного подразделения аппарата советской внешней разведки. В этом качестве я отвечал, в частности, за обмен информацией по политическим, военным и экономическим вопросам с одной из наиболее результативных спецслужб мира – разведкой МГБ ГДР и за обработку этой информации. Следует подчеркнуть, что материалы немецких друзей в существенной мере раскрывали планы и замыслы противника в отношении нашей страны и других социалистических стран. Естественно, что, работая на данном участке, я постоянно сознавал исключительную важность задачи, которую мне было поручено выполнять. А это было источником высочайшей мотивации.

В качестве заместителя начальника, а затем начальника информационного подразделения аппарата КГБ СССР в Берлине, а также кафедры информационной работы Краснознаменного института КГБ имени Ю.В.Андропова мне довелось возглавлять два коллектива энтузиастов – сотрудников самой высокой квалификации; эта работа давала большое удовлетворение и позволяла в полной мере использовать собственные знания и профессиональный опыт.

Часть сотрудников этих коллективов в последующем успешно трудились на оперативной работе, а трое из них одно время возглавляли резидентуры КГБ в крупных странах. Некоторые продвинулись по службе в других государственных учреждениях или достигли успеха в бизнесе.

Отдельно следует отметить, что, начав работу в информационном подразделении аппарата КГБ в Берлине, сформировался талантливый журналист и выдающийся политический деятель нашей страны Владимир Николаевич Марков. Ряд лет он был председателем правления Российского информационного агентства «Новости», а последние годы жизни был главным политическим советником В.С.Черномырдина, вместе с которым в 1990 году вел переговоры с президентом Сербии Милошевичем.

Я благодарен судьбе, которая подарила мне светлую творческую старость. Уже после выхода в отставку в шестьдесят шесть лет я четырнадцать лет работал ведущим научным сотрудником в Институте актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России. В 72 года защитил диссертацию на степень доктора политических наук, а в 75 лет стал профессором. Опубликовал ряд монографий, научных докладов и статей. Состоял членом трех диссертационных советов. Воспитал целую плеяду молодых ученых. Под моим научным руководством защитили диссертации около двадцати аспирантов и соискателей. Являлся

организатором и участником многочисленных международных научных семинаров и конференций. Принимал участие в работе Российско-германской Комиссии по современной истории, в 2002 году выступал с содокладом на Нобелевском симпозиуме в Осло. И сегодня, в свои 86 лет, несмотря на физическую немощь, пишу эти воспоминания, сохранив ясность мысли и хорошую память

Моя служба во взрослом возрасте с 1948 по 2001 год протекала в Восточном Берлине (24 года – пять долгосрочных командировок от двух до семи лет) и в Москве (27 лет), 6 лет по линии ГРУ генерального штаба Советской Армии и 45 лет в КГБ СССР. То есть, половину своего продуктивного возраста я жил и работал в Германской Демократической Республике и полюбил эту страну и ее жителей. Крушение ГДР стало для меня тяжелым ударом, тем более, что я видел Восточную Германию в качестве образца лучшей жизни и у себя дома.

ГДР являлась стратегической союзницей СССР и в этом плане имела приоритет по сравнению со всеми другими странами социалистического содружества. Приоритет ГДР обеспечивался целым рядом факторов. На ее территории, на линии непосредственного соприкосновения с блоком НАТО находилась наиболее мощная группировка советских вооруженных сил – Группа советских войск в Германии в составе 19 танковых и механизированных дивизий, а также 5 авиационных дивизий. По объему внешней торговли ГДР являлась важнейшим партнером Советского Союза. Между руководителями КПСС и СЕПГ долгие годы, вплоть до воцарения Горбачева, отмечались единомыслие и взаимная поддержка.

* * *

Я родился 13 октября 1925 года в Москве. Мой отец, Николай Васильевич Кузьмин, – художник в редакции центральной газеты советских железнодорожников «Гудок», а мать, Мария Ивановна – начинающая художница, незадолго до того закончившая школу-студию Ф.Рерберга.

Отцу было 35 лет. Он участник первой мировой войны. Имел звание поручика, командовал саперной ротой, был ранен и контужен. С весны 1918 года служил в Красной Армии, был начальником инженерно-саперной службы 15 Инзенской дивизии, на одной из фотографий у него по ромбу в петлицах. Согласно семейной легенде, нарком Луначарский лично ходатайствовал, чтобы моего отца, профессионального художника-графика в 1923 году отпустили из армии.

Раннее мое детство протекало во дворе трехэтажного дома № 23, перед которым, в отличие от сегодняшнего времени, находился двухэтажный деревянный флигель. В доме и во флигеле проживали около сотни семей. Социальный состав населения был довольно ровным; это были рабочие и мелкие служащие. Национальный состав, видимо, отражал среднюю картину того времени по Москве. Помимо русских в доме проживали шесть еврейских и две татарские семьи, и, судя по фамилиям, по две семьи чехов или поляков и выходцев из Средней Азии. В нашем общении во дворе в детские и в последующие годы не существовало никаких противоречий ни в национальном, ни в социальном плане даже в намеке.

Символом власти в детские годы для меня и моих товарищей по двору был управдом, некий Соколов. Это был человек невысокого роста, всегда с портфелем в руке. Он ходил медленной степенной походкой в длинном черном пальто нараспашку. Мы старались подражать его манерам.

Выходя за ворота, мы попадали на Новокузнецкую улицу, которая в то время была важной городской магистралью. В январе 1924 года по улице с Павелецкого вокзала, следуя на Красную площадь, прошла траурная процессия за гробом с телом В.И.Ленина, и, в ознаменование этого события, улица, именовавшаяся прежде Кузнецкой, была переименована в Новокузнецкую.

На улице преобладали одноэтажные и двухэтажные особняки и возвышались лишь несколько четырех— или пятиэтажных домов. Вдоль улицы были тротуары, покрытые асфальтом, по краям которых сохранились взрослые липы, а проезжая часть – вымощена булыжником и по ней проходила трамвайная линия. Это была знаменитая Аннушка, маршрут «А», следовавший по Бульварному кольцу. В то время, как Аннушка довольно часто нарушала тишину сонной улицы, громыхая по рельсам и подавая резкий звонок на остановке возле нашего дома, автомобили весьма редко проезжали мимо. Правда, иногда можно было увидеть коляску, запряженную лошадьми, а существенной частью городского транспорта оставался гужевой – извозчики с подводами.

На тротуаре возле трамвайной остановки находился небольшой ларек с вывеской «Моссельпром», в котором продавались нехитрые сладости, в том числе соевые батончики, сохранившие свой вкус на протяжении десятилетий.

В двенадцать лет я заболел малярией. Одновременно заболел и брат Михаил. Приступы болезни у меня сопровождались очень высокой температурой и даже галлюцинациями. Однажды я видел чертей. Они суетились за стеклом книжного шкафа напротив моей кровати. Это были совершенно плоские существа черного цвета с длинными хвостами, которые оканчивались ромбами, как у птеродактилей. Лечили нас хинином, и малолетний брат Михаил отчаянно сопротивлялся приему этого необыкновенно горького лекарства.

В девять лет я поступил во второй класс 516 средней школы. Учеба в младших классах почти не оставила устойчивых впечатлений. Запомнилось лишь то, что в школе была специальная пионерская комната, на одной из стен которой был помещен стенд под непонятным названием «Символика пионерских атрибутов», где были изображены барабан, горн и пионерский галстук.

Положение изменилось, когда я повзрослел. Впрочем, впечатления повзрослевшего парня были достаточно сложными.

Уже в пятом классе в свои двенадцать лет я отчетливо осознал, что обстановка в нашей стране очень непростая и что моим родителям грозит реальная опасность. В 1937 году был арестован старший брат мамы, Леонид Иванович Петров, крупный строитель, работавший на Дальнем Востоке. Мать была вынуждена чуть ли не каждый день обивать пороги московских прокуроров. Ее усилия увенчались успехом, и после ареста наркома Ежова в 1939 году Леонид Иванович был освобожден. Московский прокурор насмешливо пояснил маме, что местный следователь плохо знал географию, и что ее брата следовало бы посадить не как немецкого, а как японского шпиона. Тяжелые переживания не прошли даром, и у мамы открылся туберкулез легких.

Из разговоров родителей я понял, что опасность нависла и над отцом. Многие его сослуживцы по гражданской войне, которые тем временем значительно продвинулись в Красной Армии по служебной лестнице, были объявлены врагами народа и арестованы. С некоторыми из них он поддерживал товарищеские отношения.

Впрочем, эти нелегкие переживания резко контрастировали с общим оптимистическим восприятием жизни, присущим юности. Этот оптимизм подкреплялся и сознанием того, что именно сейчас Советский Союз превращается в великую державу, устремленную вперед. Приметы нового времени были очевидны: в Москве была построена новая улица Горького, сохранившая свой облик до настоящего времени, проложены первые линии метро с великолепными станциями, построены новые мосты через Москву-реку и новые набережные, возникли десятки кинотеатров, стадионы, парки культуры и отдыха, в том числе парк культуры имени Горького. На улицах появились современные автомашины и троллейбусы. Стали реальностью звуковое кино и чудесные кинофильмы, радующие нас до сих пор: «Веселые ребята», «Волга-Волга», «Цирк», «Вратарь республики». Звучали песни Дунаевского, проводились физкультурные парады и всесоюзные фестивали самодеятельности, ширилось стахановское

движение. Была освоена Арктика, бурно развивалась авиация, построены канал Москва-Волга, Днепрогэс, Магнитогорский комбинат, возникли десятки новых городов. Миллионы людей получили образование. Словом, утверждалась вера в возможность победы коммунизма.

Путь в Германию

Война!

В самом начале июня 1941 года отец отправил меня с братом и нашу маму в Сердобск. Я почти уверен, что он предвидел неизбежное начало войны с Германией, которая обрушилась на нас 22 июня. Предполагаю, что начало гитлеровской агрессии предвидели и его товарищи по службе в гражданскую войну. (Одним из них был сослуживец по 15 Инзенской дивизии будущий начальник генерального штаба А.И.Антонов). Почтовая открытка, которая пришла от отца в конце июня, начиналась словами: «Ну вот и война».

Пару недель спустя на фронт отправился в качестве политрука роты мой дядя Георгий Васильевич. Вскоре он стал командиром батальона, и в этой должности прошел до конца войны. Был не один раз ранен и контужен.

В первую же неделю войны в Сердобск приехала с двумя детьми, бросив все свое имущество, жена младшего брата отца Леонида Васильевича, служившего в звании капитана в Западной Белоруссии в знаменитой четвертой кавалерийской дивизии. С этого момента от дяди Лени не было вестей вплоть до последнего года войны. Сообщения о стремительном отступлении Красной Армии не укладывались в наше сознание, подготовленное многолетней пропагандой, которая вселяла уверенность, что наши войска должны сейчас же опрокинуть врага могучим ударом.

С началом войны немедленно ухудшилось продовольственное обеспечение. Из магазинов исчезли буквально все пищевые продукты. Исключение составляли лишь Советское шампанское и тихоокеанские крабы, которые еще несколько недель украшали витрины магазинов. Сразу же были введены продовольственные карточки, по которым мне и брату полагалось по 500 граммов хлеба в сутки, а нашей маме, которая устроилась на службу в районный отдел народного образования – 600 граммов. Кроме хлеба по карточкам выдавалось некоторое количество крупы, а в редких случаях – подсолнечное масло и совсем немного сахара.

Наша семья не имела каких-либо запасов продовольствия. Правда, немного выручали принадлежавшие бабушке коза и куры. Помимо этого играла свою роль и помощь со стороны бабушки, которая продолжала работать, как портниха, а ее клиенты расплачивались натурой.

Приехавшие в Сердобск семьи, в том числе и наша, получили статус «эвакуированных», который регулировал их правовое положение. Эвакуированные значительно увеличили численность населения в городе. Одним из последствий этого оказалась переполненность школ. Выход был найден в том, что старшие классы стали заниматься в третью смену с шести до одиннадцати вечера.

Зима 1941 года выдалась не только снежной и холодной, но и потребовала от старшеклассников больших физических нагрузок. В светлое время суток мы то расчищали от снега железнодорожные пути, то в ближнем лесу валили деревья и распиливали их на куски для топки паровозов. Угля в стране в этот период катастрофически не хватало, ведь Донбасс был занят немцами.

Несмотря на невеселый настрой и голодный желудок, возраст брал свое. Как только появлялось свободное время, мы предавались танцам. Для этого не требовалось многого. Мы собирались небольшими группами, и тут же находился патефон и пара пластинок. Танцевали мы фокстроты, танго и вальсы. Любимыми мелодиями были «Укротитель змей», «Брызги шампанского», «Рио-Рита» и песни Леонида и Эдит Утесовых. С тех времен застряли в памяти следующие строки неизвестного поэта:

«О, красотка Эдит!
Твоя песня летит,
Заставляет любить и страдать.
Все мы знаем, Эдит,
Твой отец знаменит,
Но не знаем,
Эдит, твою мать»…

В девятом классе мы только-только осваивали первые па, а в десятом уже были отменными танцорами.

Незабываемым осталось Рождество в 1942 году. Наша рождественская трапеза состояла из пары ржаных сухарей, а бабушка принесла кружку козьего молока и несколько кусочков сахара. Мы пили чай с молоком вприкуску с сахаром и были счастливы.

В полночь мы с бабушкой отправились, преодолевая овраг, на рождественскую службу в дальнюю церковь, расположенную на окраине города перед кладбищем. На дворе было морозно. Стояла полная луна, в ярком свете которой искрился и сверкал необыкновенно чистый снег. Кое-где из печных труб поднимался белый дым, оставлявший причудливые тени. В конце своего неблизкого пути мы оказались в церкви, ярко освещенной огнями сотен свечей. и пробыли в ней до окончания заутренней службы. Эта рождественская ночь оставила чувство полного покоя и умиротворения

Наступивший 1942 год стал еще более тревожным и голодным. Попытки вырастить картофель и овощи, на выделенном нам загородном участке, несмотря на мои биологические познания, оказались абсолютно безуспешными.

Острую тревогу и чувство нависшей опасности вызывали сообщения о битве под Сталинградом. Несмотря на расстояние, мы реально ощущали пульс этого сражения. Если смотреть в темное ночное время в направлении Сталинграда, который находился около двухсот километров к юго-востоку от Сердобска, то в небе отчетливо было видно постоянное зарево и отдельные вспышки на его фоне.

Немецкие самолеты, которых мы издалека распознавали по особому, прерывистому гулу их моторов, довольно часто появлялись над Сердобском, но оружия не применяли. Однажды поздним летом, правда, случилось исключение. Я с ребятами собирался возвращаться из леса домой, погрузив на большую тачку несколько бревен, которые местная власть выделила нам для зимнего отопления. В этот момент в небе появился немецкий самолет, который, видимо из озорства, обстрелял нас из пулемета. Мы бросили свои тачки на дороге и спрятались в лесу. Немец продолжал стрелять, и очередь из крупнокалиберного пулемета отколола большой кусок дерева, под которым я укрылся. Деревяшка больно ударила меня по голове и даже оглушила. Когда немец улетел, мы возвратились на дорогу, и я с ужасом обнаружил, что моя тачка пропала. Это была настоящая беда, ведь тачкой пользовалась вся наша большая семья. Я упал лицом на дорогу и горько заплакал. Когда я пришел в себя и поднялся, то обнаружил свою тачку за ближними кустами…

Осенью 1942 года десятиклассниками стал внимательно заниматься местный военкомат. Как только наступил новый 1943 год, всем ребятам 1925 года рождения были выданы справки об окончании средней школы, оценки в которых были проставлены по результатам второй четверти десятого класса. Военкомат предупредил нас о скором призыве в Красную Армию. Родители, располагавшие рычагами влияния, приложили усилия, чтобы устроить своих сыновей в воинские части с более благоприятными условиями службы. Некоторым это удалось. Мне же, как и основной части одноклассников, было объявлено, что мы будем направлены в Ульяновское пехотное училище.

Я воспринял свой призыв в армию с внутренним подъемом, хотя одновременно сознавал, что слишком слаб физически для воинской службы. Ведь при росте около 170 сантиметров я весил всего 48 килограммов. Необходимо отдельно отметить, что все эти размышления полностью перекрывались постоянным всеобъемлющим чувством острой тревоги, чувством смертельной опасности, нависшей над твоим племенем, над твоим народом. Это чувство было подсказано инстинктом и довлело над всеми нашими поступками и помыслами. Непостижимо, что никто из военных писателей не описал этого чувства.

23 февраля 1943 года после коротких проводов наша команда из десяти человек, направлявшаяся в Ульяновск, поздно вечером собралась на вокзале Сердобска. Мы погрузились на остановившийся там состав с разбитыми паровозами, которые следовали с фронта куда-то на ремонт. Довольно короткая дорога до Ульяновска оказалась долгой и трудной. Она заняла целую неделю, поскольку нам постоянно приходилось пересаживаться с поезда на поезд и менять свой маршрут. Ехали мы преимущественно на холодном ветру, на открытых товарных платформах. Однажды, правда, нас пустили в тамбур пассажирского вагона «пятьсот веселого» поезда – так в народе именовались товаро-пассажирские поезда, трехзначная нумерация которых начиналась цифрой пять.

Запомнился приятный сюрприз в пути, который нас ожидал на станции Инза. Местный военный комендант распорядился выдать нам хлеба и концентрат пшенной каши. Более того, он отправил нас в баню. В бане мы не только хорошо согрелись, но и попытались развести концентрат в горячей воде и съели его полусырым.

По прибытии в училище мы на пару недель были определены в карантин, который находился в напоминавшем ангар бывшем гараже. Здесь на двухэтажных нарах размещались около двухсот новобранцев. После осмотра врача нас остригли наголо и переодели в нательное белье и обмундирование, прошедшее термическую дезинфекционную обработку. Зимнее обмундирование состояло из будённовского шлема и стёганного ватника («х/б, б/у, р/с, на вате» = хлопчато-бумажное, бывшее в употреблении, для рядового состава, на вате).

Режим в карантине был весьма свободным. Учеба ограничивалась редкими политзанятиями и строевой подготовкой на плацу. В остальное время мы часами валялись на нарах. Начальник карантина старшина Шилингер, непривычную фамилию которого курсанты произносили как Ширинкин, метался вокруг, требуя срывающимся голосом немедленно прекратить песню. Но песня только ширилась и нарастала. Дух неповиновения и протеста, вырвавшийся здесь наружу, напоминали сцену из театрального спектакля.

Когда закончился карантин, наша жизнь в училище стала гораздо менее привольной. Ведь повседневные занятия определялись сеткой в десять учебных часов. После подъема в 7 утра, умывания и завтрака следовали шесть часов занятий в поле или на плацу. За этим полагались обед и сон в течение часа, а потом четыре часа классных занятий, разборка и чистка оружия Два часа отводились как личное время, а в 22 часа следовал отбой.

В училище сложилась многолетняя система обучения, обеспечивавшая выработку автоматизма и линии поведения в стандартных ситуациях. Постоянная муштра («Товарищ младший сержант! разрешите обратиться к сержанту») привила на всю жизнь устойчивое чувство субординации и сознание того, что старший по званию является существом, превосходящим тебя во всех отношениях. А произнесенная однажды, несколько лет спустя, в моем присутствии в ответ на телефонный звонок фраза: «Слушаю Вас, товарищ маршал Советского Союза!» едва не вызвала у меня обморок от нахлынувшего чувства почтения.

Но вот жизнь стала добрее, поскольку прошли зимние месяцы, когда нередко приходилось, стоя в строю в положении «Вольно!» с промокшими ногами, целый учебный час на холоде слушать пояснения офицера об устройстве бинокля. Необъяснимым образом, при этом никто не заболевал от простуды.

Однако летом весьма значительно возросла физическая нагрузка. Регулярно проводились марши-броски на несколько километров, нередко приходилось перемещаться на значительные расстояния в положении пригнувшись или по-пластунски. Все эти перемещения по местности происходили с оружием в руках – трехлинейной винтовкой Мосина с примкнутым штыком. Наиболее крепким курсантам поручалось при этом переносить двухпудовый станок пулемета «Максим» и его тело. Солидный вес имели и противотанковые ружья, которые иногда приходилось носить и мне.

Пару раз осуществлялись дальние походы в составе всего училища с развертыванием по фронту и проигрыванием встречного боя. Однажды, возвращаясь в училище с такого учения, я во время привала, несмотря на категорический запрет пить, скрытно пробрался в расположенный поблизости крестьянский двор и, попросив воды, отпил из ведра, сколько смог. В училище я жадно пил из крана в умывальнике, а во время ужина, отказавшись от еды, выпил весь компот, который мне уступили товарищи по столу. На построении после ужина я потерял сознание и упал. Правда, никаких последствий это не имело. На своем примере, таким образом, я убедился, что нельзя нарушать правила, в основе которых лежит опыт целых поколений.

На первое мая мне пришлось нести службу в гарнизонном карауле, на складе боеприпасов за чертой города. В ходе инструктажа было рекомендовано в случае появления близ поста незнакомого человека сначала стрелять, а потом кричать: «Стой! Кто идет?» Ведь за проволочным заграждением на территории склада может появиться только злоумышленник. Якобы за месяц до этого слад боеприпасов был обстрелян из пулеметов с нескольких направлений. Нападавшие смогли скрыться в лесу на крутом берегу Волги

Летом каждую неделю мы на пригородном поезде направлялись на стрельбище, расположенное неподалеку от Ульяновска. Там мы выполняли упражнения по стрельбе из ручного и из станкового пулемета, а также из противотанкового ружья. Часы, проведенные на стрельбище, были часами общения с природой, Лежа за пулеметом или за противотанковым ружьем, можно было одновременно наблюдать за насекомыми и разыскивать среди травы щавель или дикий лук.

В это же время приходилось испытывать и новые психологические нагрузки. Мы были уже знакомы с порядком походных и боевых перестроений, и нам стали доверять командование этими перестроениями. Нередко, однако, случалось, что офицер, руководивший нашими действиями, из-за наших ошибок подавал команду «Отставить!» и требовал, чтобы взвод возвращался в исходное положение, что вызывало естественное недовольство курсантов.

Alma mater военных переводчиков

В начале мая меня неожиданно вызвали в штаб училища. Здесь в большой аудитории собралось около тридцати курсантов, которым было предложено писать диктант по русскому языку. Это была проверка на пригодность учиться на курсах военных переводчиков. Примерно через неделю после этого события около десяти курсантов из числа получивших хорошие оценки за диктант были направлены для прохождения мандатной комиссии в расположенный недалеко от Ульяновска городок Ставрополь-на-Волге. (Ныне Ставрополь-на-Волге больше не существует. Он ушел на дно водохранилища, а совсем рядом возник его могучий наследник – город Тольятти). Через пару дней почти все побывавшие в Ставрополе курсанты вернулись в училище с крайне неблагоприятным мнением о возможности учебы на ставропольских курсах:

– во-первых, это – сомнительное учебное заведение, в котором готовят шпионов;

– во-вторых, чтобы получить офицерское звание там придется проучиться не меньше года, тогда как в училище мы станем лейтенантами всего через пару месяцев;

– в-третьих – и этот довод тоже казался нам убедительным – мы в училище носим сапоги, а слушатели курсов – ботинки и голубые обмотки.

В начале июня, вместо того, чтобы вызывать нас в Ставрополь, к нам в училище приехал представитель курсов в звании подполковника. Он стал поочередно вызывать кандидатов на учебу и беседовать с ними. Когда очередь дошла до меня, я заявил, что хочу остаться в училище. Однако подполковник сумел переубедить меня. Сославшись на мои слова, что я два года не виделся со своим отцом, который остался в Москве, он сказал, что курсам через пару месяцев предстоит передислокация в Москву. А ведь подобная возможность для встречи с отцом может вообще больше не повториться.

1 июля 1943 года я вместе с небольшой группой курсантов направился на пристань на Волге, чтобы следовать пароходом до Ставрополя. В этот же день в училище прозвучал сигнал боевой тревоги, а его личный состав был преобразован в курсантские батальоны, которые в срочном порядке перебрасывались на Курскую дугу в преддверии великой битвы, начавшейся 5 июля.

Размышляя в зрелом возрасте о своей судьбе, я пришел к твердому убеждению, что четыре месяца службы в Ульяновском пехотном училище стали одним из важных этапов моей жизни и оказали заметное влияние на формирование собственного характера.

Краткосрочные курсы военных переводчиков по немецкому языку являлись составной частью Военного института иностранных языков Красной Армии. Они располагались вместе со всем институтом в помещениях бывшей кумысолечебницы, примыкавшей к Ставрополю и находившейся на холме в великолепном сосновом бору примерно в трех километрах от правого берега Волги. На левом ее берегу возвышались Жигули.

По сравнению с пехотным училищем жизнь близ Ставрополя вполне можно было сравнить с пребыванием в санатории. Вместо десяти часов занятий в училище учебный день на курсах ограничивался шестью часами, причем занятия с оружием и всевозможные марш-броски и дальние переходы вообще отсутствовали. После шести уроков в классе следовало время для выполнения домашних заданий и самоподготовки.

В бывшей кумысолечебнице не хватало помещений и мебели. По этой причине наши занятия проходили в той же комнате, где мы ночевали, постелив матрасы на полу. На день мы сворачивали свои матрасы и постельное белье и убирали их в сторону.

Нашей основной преподавательницей была Эсфирь Яковлевна Розенталь, красивая молодая женщина с хриплым голосом. Ее муж, капитан Евгений Абрамович Гофман, преподавал военный перевод и являлся соавтором учебника по этой дисциплине.

В первые два месяца Эсфирь Яковлевна преподавала нам прежде всего фонетику, освоение которой нередко занимало все шесть уроков. После таких занятий мы были измотаны не меньше, чем после форсированного марша на несколько километров.

Наше учебное отделение насчитывало двенадцать человек. С первого дня занятий на курсах моими товарищами на протяжении всех пяти лет учебы вплоть до окончания института были Эдмунд Кудасов, Виктор Григорьев и Александр Артемов. Вместе с ними после занятий я обычно направлялся в лес для поиска съедобных грибов и ягод. Иногда мы вступали в контакт и с местными жителями, чтобы обменять выдаваемое нам мыло на что-нибудь съестное.

* * *

Опираясь на книгу Имануила Левина «Записки военного переводчика», расскажу более подробно о краткосрочных курсах военных переводчиков немецкого языка и о военном институте иностранных языков, при котором эти курсы существовали.

1 февраля 1940 года был учрежден военный факультет при 2-м Московском государственном педагогическом институте иностранных языков. Осенью того же года начальником военфака был назначен генерал-майор Н.Н.Биязи

В конце августа 1941 года при военном факультете были сформированы краткосрочные курсы военных переводчиков немецкого языка со сроком обучения от шести недель до шести месяцев. В 1943 году курсы имели годичный срок обучения и комплектовались преимущественно за счет курсантов военных училищ, прошедших первичный цикл подготовки.

Становление и развитие военного факультета, а с 1942 года военного института иностранных языков Красной Армии неразрывно связаны с именем генерала Н.Н.Биязи (В 1945 году ему было присвоено звание генерал-лейтенант). Он руководил этим учебным заведением с перерывом около полутора лет, когда в 1943 году находился на фронте в должности заместителя командующего 46 армии.

Николай Николаевич был чрезвычайно одаренной личностью. Он сочетал в себе способности полиглота (владел несколькими европейскими и индоарийскими языками) и талантливого спортсмена (один из первых дипломированных футбольных судей нашей страны, судья всесоюзной категории по боксу).

Биязи был талантливым организатором и руководителем. Предметом особых его забот была кафедра немецкого языка. К педагогической работе на этой кафедре он привлек лучших специалистов тех лет О.И.Москальскую и А.В. Монигетти, корифеев военного перевода А.М.Таубе и Б.Э.Шванебаха. На работу в качестве преподавателей подключались и наиболее талантливые выпускники военного факультета. В их числе можно назвать Е.А.Гофмана, Владимира Колшанского, Нину Гейн, Михаила. Цвилинга, Сергея Геца, а также Л.Ф.Парпарова – сына успешного советского разведчика-нелегала.

Как отмечает И.Левин, «по мере поступления трофейных документов и на основе показаний первых “языков” срочно пересматривались учебные программы, вводились новые предметы, создавались необходимые учебные пособия». Уже в первые месяцы войны вышел «Краткий русско-немецкий разговорник», составленный Н.Н.Биязи и А.В.Монигетти. Тогда же Н.Н.Биязи издал чрезвычайно важное методическое пособие «Техника допроса пленного». В начале 1942 года О.Москальская и Е.Гофман подготовили и издали «Учебник немецкого языка для Красной Армии». Вышел переработанный и дополненный немецко-русский военный словарь под редакцией А.М.Таубе. За годы войны словарь переиздавался четыре раза. За шесть месяцев 1941 года военфак выпустил около двадцати учебно-практических пособий.

Институт располагал поистине уникальными кадрами квалифицированных преподавателей. Среди них, прежде всего, следовало назвать профессора полковника Таубе, автора немецко-русского военного словаря и англо-русского военного словаря.

В начале 1942 года накануне переговоров со специальным представителем президента США о поставках вооружения Советскому Союзу, Таубе, как уникальный знаток американской военно-технической терминологии, был вызван в Москву. Однако на первой же остановке он был выдворен из поезда и задержан представителями военной комендатуры. Подозрение вызвали некоторые отклонения в его форме одежды. Да и сама внешность профессора наводила на размышления. Его несколько располневшая фигура и лицо аристократа в пенсне полностью соответствовали образу царского генерала из любого довоенного советского кинофильма. Абсолютно же фантастическими казались его утверждения, что он следует в Москву по вызову самого товарища Сталина. Тем не менее, сделав необходимые запросы, работники комендатуры получили подтверждение словам Таубе, а после солидной взбучки приняли все меры, чтобы их гость скорее добрался до Москвы. Я не уверен полностью в правдивости этой истории, которую мне поведал один из авторитетных ветеранов военного института. Однако, как гласит итальянская пословица: может быть, и неправда, но хорошо придумано.

* * *

В самом конце августа 1943 года личный состав военного института и все его имущество, включая мебель и типографское оборудование, были погружены на большой волжский теплоход. Через пять суток плавания теплоход прибыл из Ставрополя на Волге в речной порт Москвы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.